

К 30-летию сериала «ЗИМНЯЯ ВИШНЯ»

ИГОРЬ МАСЛЕННИКОВ

ПРИШЛА ПОРА

Студия «Троицкий мост»

Игорь Масленников

Пришла пора

«ИП Князев»

2018

УДК 82-293.7
ББК 85.374(2)

Масленников И. Ф.

Пришла пора / И. Ф. Масленников — «ИП Князев», 2018

ISBN 978-5-6041298-3-8

Тридцать три года назад на экраны вышел советский фильм «Зимняя вишня» (1985 г.), снятый по сценарию Владимира Валущкого. Он пользовался большим успехом у нас в стране и за рубежом. Потом были продолжения этого киномана – про времена «Перестройки» (1990 г.), про катастрофу развала Советского Союза (1995 г.). Все три фильма были объединены в телесериал. Он до сих пор востребован телеканалами. Сегодня Россия живёт в эпоху перемен. Что произошло с героями тех «вишен», кем стали их теперь уже взрослые дети?.. Об этом размышляет в остросюжетной иллюстрированной автором киноповести «Пришла пора» народный артист РСФСР, кинорежиссёр и сценарист Игорь Масленников, снявший те знаменитые фильмы о любви.

УДК 82-293.7

ББК 85.374(2)

ISBN 978-5-6041298-3-8

© Масленников И. Ф., 2018

© ИП Князев, 2018

Содержание

Давайте познакомимся	6
Зимний пролог	8
Часть первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Игорь Масленников

Пришла пора

© И. Масленников, киноповесть, графика, фотоархив, кинопроект «30 лет „Зимней вишни“», обложка.

© ООО «Студия «Троицкий мост», СПб., Киноархив, кадры из телесериала «Зимняя вишня», 1996.

© Вл. Валущкий. «Зимняя вишня», киноман, Издательство «RedFish-Амфора», 2005.

© Киноархив «Зимний пролог», «Студия-Проспект», СПб., 2017.

© Е. В. Ильина, редактурa.

© ООО «Студия «Троицкий мост», издание, 2018.

Давайте познакомимся

...«Служебный роман» (адаптация) двух ленинградских простых, ничем не примечательных инженеров из какого-то НИИ – Ольги и Вадима, начавшись в середине восьмидесятых годов прошлого века, пришёлся на сложные времена в судьбе России.

Печальная, запутанная история их любви, рассказанная в киноромане Владимира Валущкого «Зимняя вишня», уложилась в три фильма, которые я снимал на протяжении пятнадцати лет. Первый фильм зрители увидели в 1985 году – это было советское время. Второй появился через пять лет – горбачёвский развал, третий – ещё через пять лет – ельцинский разгром экономики и разброд населения. Герои адаптера, наконец, нашли друг друга и оказались за границей, что было характерно для той эпохи.

С тех пор прошло двадцать лет. Казалось бы – всё, конец кинороману. Тем более, что умерли ключевые фигуры того проекта – в 2002 году – Виталий Соломин, исполнитель главной роли Вадима Дашкова, а в 2015 году ушёл от нас и автор киноромана Владимир Валущкий.

На протяжении многих лет мы с Владимиром Ивановичем часто работали вместе. Я снял по его сценариям фильмы «Завтра, третьего апреля», «Ярославна, королева Франции», «Продление рода», «Русские деньги», «Взятки гладки», «Банкрот». Он помогал мне в работе над фильмами о Шерлоке Холмсе. И, конечно, все три «Зимних вишни» сочинил он. Точнее, даже не сочинил, а прожил...

И я – вместе с ним.

Это о прошлом... Но Россия вновь на историческом повороте, начинается новый этап «великого передела» капиталов и недвижимости.

Люди заговорили о деньгах, наследстве, бизнесе, успехе, движимом и недвижимом имуществе! Возник, конечно, и пресловутый «квартирный вопрос»...

...Такое в кинорежиссуре бывает! За все пятнадцать лет работы над сиквелами – тремя «вишнями» я настолько свыкся с характерами описанных Владимиром Валущким персонажей, манерами, повадками, переданными прекрасными актёрами, с их мотивами поведения, что для меня они – живые люди. Я их вижу во сне, слышу их голоса, мыслю их логикой. Это о взрослых. Но там же были ещё и дети, много детей! Они теперь тоже взрослые люди и у них тоже есть дети. Реальная жизнь... Я же всё про них знаю!

Пришлось мне самому взяться за перо... Рассказать в этой киноповести, что же происходит со знакомыми мне, да и вам – зрителям наших фильмов – персонажами и их теперь уже взрослыми детьми в настоящее время. И ещё...

В юности у меня были две страсти – стихи и рисунки, главным образом, шаржи на всех окружающих. Потом полвека жизни я беззаветно отдал кино. И вот на старости лет ко мне вернулись юношеские страсти – стихи и рисунки.

В какие скрижали Всевышний записал мою творческую судьбу – графомана и художника от слова «худо» или всё-таки есть надежда... Судите сами.

Льщу себя надеждой, что избранный мной метод повествования – клиповый монтаж сцен, обилие картинок и кинокадров – соответствует нынешнему состоянию восприятия эпохи гаджетов, Интернета, скачкообразного, торопливого внимания.

Тем, кто видел фильмы, снятые по кинороману В. Валущкого, всё будет понятно в этой киноповести. Тем же, кто не видел, предложены короткие тексты – цитаты и фотокадры из нашей «семейной саги», чтобы читатель мог представить себе, как всё было десятки лет назад. Это избранные отрывки из «Семейной кинохроники» Владимира Валущкого «Зимняя вишня». 1985 год – «Застой», 1990 год – «Перестройка», 1995 год – «Разлом».

P. S.

30-летний юбилей «Зимней вишни» убедил меня в том, что интерес зрителей телеканалов и кабельных сетей в нашей стране и за рубежом к нашим фильмам сохранился. Люди по-прежнему тянутся к мелодрамам, к сердечным историям простых смертных. «Мелкотемье» им ближе блокбастеров.

Надеюсь, что эта киноповесть превратится сначала в киносценарий, а потом и в фильм или телефильм, который будет снят если не мной, то моими учениками...

Игорь МАСЛЕННИКОВ

Зимний пролог

Всякий петербуржец, который хоть раз ездил на машине в курортную зону у Финского залива, видел этот красивый, расположенный на песчаных холмах между озером и заливом вблизи старой русско-финской границы мемориал – Сестрорецкое кладбище...

...Всё стряслось прошлой зимой. Умер инженер Вадим Дашков. Случился инсульт, какие свойственны людям скрытным, переживающим жизненные обстоятельства глубоко в душе. Лишь краснота лица выдаёт их внутреннее напряжение. Вадим Николаевич часто краснел.

Зима для похорон не лучшее время, если вообще говорить о каком-то «лучшем» времени для упокоения. Шёл снег. Среди сосен, возле свежевскопанной могилы, покрытой парой венков и множеством цветов, собралась небольшая группа людей – в основном это были знакомые между собой женщины.

Вдова покойного – Ольга Николаевна – пятидесяти с небольшим лет – в легкой шубке из чёрной каракульчи, стояла недалеко от своей давней подруги и ровесницы Валентины Михайловны (Валюшки), одетой победнее и попроще.

Напротив них, на другой стороне от могилы, переминалась с ноги на ногу и куталась в шарф от ветра величественная дама Юлия Ивановна. Она стояла под руку со Светланой Евгеньевной, одетой дорого и модно.

Рядом с этими лицами, а с ними ещё предстоит познакомиться, стояли несколько молодых женщин и мужчин. Были даже дети. С ними тоже ещё придётся встретиться.

Бывший начальник инженера Дашкова по научно-исследовательскому институту Аркадий Савельевич Бруевич, в дублёнке, с непокрытой седой лысоватой головой, стоя возле могильного холма, осипшим от мороза голосом держал речь:

– Что я вам рассказываю?.. Каждый из вас – это важная страница в жизни Вадима Дашкова...

При этих словах Ольга Николаевна опустила голову, стараясь ни на кого не смотреть.

– Помню, как двадцать лет назад мы с Вадиком бились сначала с нашей бюрократией, которая засела тогда даже в Геральдической комиссии за наследственные права рода Дашковых, потом бились с французами за клочок земли, принадлежащей древнему российскому роду на берегу далёкого Па-де-Кале... И отвоевали-таки эту русскую землю, на которой он, наконец, обрёл душевный покой и семейное счастье.

Никто не заметил лёгкой усмешки на лицах Юлии Ивановны и Светланы Евгеньевны.

– ...Но мы не расставались... – продолжал делиться воспоминаниями Бруевич. – Живя во Франции, Вадим был частым нашим гостем... Да нет, не гостем, а членом нашей большой семьи – налаживал новые коммерческие и инженерные связи, организовывал бизнес здесь, на родине, в Петербурге, платил налоги и там и тут... Добрые семена посеял мой друг и в Штатах, и во Франции, где растут согретые его влиянием дети.

Юлия Ивановна и Светлана Евгеньевна снова вкрадчиво переглянулись.

– И вот теперь нет его с нами... Но есть его портрет... Максим, иди сюда ближе...

Молодой человек с рыжеватой модной бородкой, в чёрных кожаных штанах и косухе, стоявший всё это время чуть в стороне на дороге, возле чёрного джипа, двинулся к Бруевичу, неся фотопортрет Вадима Дашкова в траурной рамке...

* * *

Кадр из «Семейной кинохроники» 1995 г. – «Разлом»

...Уставшие после перелёта из Ленинграда и пересёкшие пол-Франции в тряском автофургоне Вадим Дашков и Аркадий Бруевич с дорожными сумками поднимаются в гору, к зданию провинциальной французской мэрии, похожей на средневековый замок. С собой у них были прошитые шнуром нотариальные бумаги на французском языке и бутылка «Столичной» – на всякий случай.

– Вадик, это теперь твоя мэрия!.. Бонжур, месье!.. Так начиналась французская страница в жизни советского инженера Вадима Дашкова.

* * *

...Вскоре после церемонии траурного прощания можно было видеть, как по зимней дороге не спеша двигался почтенного возраста серый лимузин М-21 «Волга». За рулём – Аркадий Савельевич Бруевич. Рядом – овдовевшая Ольга Николаевна.

– Скоро ли назад, – вкрадчиво спросил хриплым голосом Бруевич, – в усадьбу на славном берегу Па-де-Кале?

– Ой, не знаю... – отрешенно и тихо ответила Ольга.

– Был я там... вместе с Вадимом. Хорошо помню местную мэрию, где мы оформили все документы на фамильный дом. Помню добротный старинный дом, красивые места... Европа!..

Я предлагал ему сходу продать с большой выгодой эту недвижимость... Но, как и положено наследнику древнего рода Дашковых, Вадик отказался... В те годы все разбегались – кто куда... Кто в Штаты, кто в Израиль, кто – как вы – во Францию... И вы там славно прожили... сколько лет?

– Двадцать с лишним.

Бруевич с пониманием покачал головой.

– Срок! – просипел простуженным голосом он. – А что теперь?.. Времена меняются... Народ потянулся на родину... На кого там теперь всё оформлено?.. На тебя, Олечка?.. На доченьку?.. Наследство-то фамильное!..

– Фамильное... фамильное... – равнодушно покачала головой Ольга.

– Как-то ты это неуверенно говоришь... – засмеялся Бруевич. – Всё можно выяснить... И я могу тебе помочь... Посмотреть документки, планировки, доверенности... Полистать законы... У тебя это всё с собой?..

– Что-то я взяла с собой... Есть копии... Есть наш сосед Самюэль Ланглуа, фирма «Рено». Вадим с ним работал – логистика всякая там...

– Кто-то из писателей как-то удачно сказал, что «квартирный вопрос» испортил людей. Кто это сказал?

– Это сказал Воланд... – ответила Ольга.

– Воланд? – переспросил Бруевич и стал припоминать, полагая, что он должен знать человека с такой фамилией. – Воланд... Воланд... Не помню.

– «Князь тьмы», дьявол, сатана... – разъярила Ольга.

– Тьфу-тьфу-тьфу... – испугался Бруевич.

– Роман «Мастер и Маргарита»... Я вижу – не читали.

– Меня эти проблемы не касаются... Я живу не в городе. Всю жизнь, Олечка, обитаю я в своём доме в Лисьем Носу... Или в машине по дороге на работу... И тебе того же желаю и советую.

– Спасибо.

– Что тебе Франция?.. Вадима нет... Доченьке сколько?.. Около тридцати?.. Объект у неё есть?..

– Не знаю.

– Надо бы знать... Вот, к примеру, озеро Разлив. Конечно, это не Па-де-Кале, но здесь тоже есть кое-что «очень» и даже «очень-очень»... Смотри, какие буера! Международные соревнования, между прочим... А какой воздух!

– Аркадий Савельич! – Ольге хотелось прервать этот странный разговор. – Я гражданка Соединённых Штатов Америки...

– Очень хорошо, – Бруевича не сбить с толку. – Кредит взять нельзя, а аренду можно... Были бы деньги!

– Вот именно, – с этим Ольга полностью согласна. – Нынче это вопрос номер один...

– У меня есть, так сказать – «касса взаимопомощи». Как в советские времена... Может, заедем в какой-нибудь домик, посмотрим? Подберём?..

– А поминки?..

– Ах, да – ещё и поминки.

– Вы атеист?.. Или агностик?

Почтенная «Волга» продолжала не спеша двигаться по скользкой снежной дороге вдоль новеньких коттеджей Сестрорецка, недавно построенных на берегу озера Разлив, и исчезла за поворотом...

Снежная позёмка упорно заметала узкую дорогу...

«...Вообразите себе, что вокруг вас жемчужное, переливается опаловыми отсветами не так, как на рассвете или в сумерках: свет бледный и всё же в нём нет ничего болезненного. Он озаряет предмет со всех сторон и ни один предмет не отражает тени.

...Ничто на свете, дорогие мои читатели, не поможет представить себе июньскую ночь в Петербурге – ни перо, ни кисть...

Это какое-то наваждение! В душе нет смятения и тревоги, лишь освежающее душу молчание, покой, тишина, к которой прислушиваешься: не раздастся ли ангельское пение или глас Божий...

Александр ДЮМА-отец

Часть первая

Северная столица

Жители северного полушария нашей планеты – норвежцы, канадцы, эскимосы, чукчи, народы нашего русского севера не видят ничего удивительного в том, что летом солнце некоторое время не заходит, а зимой в небе переливаются всеми цветами полярные сияния. И есть только одно такое место, где природное явление превращено в ритуал – Санкт-Петербург. Здесь поэт написал:

*...Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц... И светла
Адмиралтейская игла.
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменит другую
Спешит, дав ночи полчаса...*

Волшебное время в Петербурге – белые ночи. В рекламных буклетах туристических фирм этот отрезок календаря с конца мая до середины июля называют «визитной карточкой Северной столицы». Действительно, город в это время многолюден и оживлён – и днём и ночью. Пик сезона. Обилие событий: «Ночь музеев», «День города», праздник выпускников школ «Алые паруса», фестиваль джаза, эффектные разводки невских мостов, концерты в залах и на площадях, культурные программы и научные конференции, об одной из которых пойдёт речь в этой истории...

* * *

...Благополучно преодолев сильные потоки невской воды в створе гидрозщитной дамбы в Финском заливе и миновав славный город-крепость Кронштадт с его Никольским морским собором, повторяющим черты полуторатысячетлетней византийской Святой Софии, трансокеанский экскурсионный плавучий санаторий вошёл в Неву.

Сюда, на берега Невы, устремляются в эти летние дни несметные толпы жителей многих стран, тех, кто желает полюбоваться белыми ночами.

Прибывшему только что многоэтажному круизному лайнеру «Принцесса Грейс», на палубах которого скопились любознательные группы туристов, было тесно на Большой Неве, близ Благовещенского моста.

Медленно и осторожно чалился он у левого берега реки, прижимаясь к Английской набережной.

Нахальные чайки кружили над белоснежными палубами в надежде схватить на лету какое-нибудь угощение от прибывших иностранцев.

...На стойку офиса частной гостиницы, расположенной тут же, на Английской набережной, прямо напротив причалившего лайнера, лёг французский паспорт.

Его взял в руки уже известный по зимним похоронам в Сестрорецке молодой человек. Тогда он был в косухе и чёрных кожаных штанах. Теперь это – приветливый администратор в униформе отеля, по-русски курносый, рыжеватая шкиперская борода, веснушки.

– Бонжур, мадам Хаслунд, – приветствовал он по-французски улыбчивую приезжую, заглянул в какие-то бумаги и тут же продолжил (тоже по-французски, предлагается русский перевод). Вас нет в списке участников астрофизического симпозиума...

– Я не только Хаслунд, но и Дашкова, – заметила приезжая тоже по-французски и повторила свою вторую фамилию, – Дашкова.

– Увы, мадам... – виновато улыбнулся администратор, просмотрев ещё раз список. – Но свободные номера есть...

– Я согласна...

– Ваша карта?..

– «ВИЗА карт блё», – гостья – молодая (29 лет), ухоженная женщина в дорожном костюме протянула свою карту. Рыжие кудри её были уложены модно, но строго.

– Мадам, меня зовут Максим Фёдоров... Я в любой момент готов прийти вам на помощь, дать совет, проконсультировать...

– Спасибо! – сказала мадам Хаслунд-Дашкова.

– Дядя Костя! – позвал администратор Максим.

Из служебной двери появился пожилой усатый служащий в расшитой золотом и бисером (стиль «ориенталь») бархатной униформе. Таких слуг для путешественников англичане называют «грумами». А если бы усатый дядя Костя был украшен ещё и пёстрым тюрбаном или чалмой, а на ногах у него были бы синие шёлковые шальвары и чуваки с загнутыми носами, то можно было бы сказать, что гостиница SLONIK надёжно охраняется воинственным племенем «сикхов»...

... – «Людовик Четырнадцатый», – сказал молодой администратор пожилому «груму».

Дядя Костя взял портплед французской гостьи.

– Это всё? – спросил он по-русски. – Другого багажа нет?

– Нет... Остальное недалеко, осталось на корабле... – тоже по-русски ответила приехавшая. – Четыре дня подождёт. Хочется пожить на суше, не качаясь...

И она в сопровождении «грума» дяди Кости исчезла в лифте... ..Теперь на стойке появился американский паспорт.

– Гуд морнинг, мистер Хаслунд! – тотчас же перешёл на английский приветливый администратор Максим.

– Хаслунд-Кречевский... – чётко поправил его новый приезжий.

Строгий парусиновый пиджак облегал его высокую фигуру, фланелевые брюки, галстук-бабочка.

– Ваш номер – семнадцать... У вас оплачено... «Всё включено». Вот ваша ключ-карта и бейджик симпозиума... Вы – муж и жена? – любопытствовал молодой бородач за стойкой. – Можем предоставить семейный номер... Но с доплатой.

– Мы брат и сестра... – без тени улыбки ответил поджарый, спортивного вида (36 лет) мистер Хаслунд-Кречевский. Получив пластиковый жетон, он взял подмышку свою единственную поклажу – заплечную сумку-рюкзак... И начал подниматься по лестнице.

Как это часто бывает в небольших частных гостиницах, бельэтаж был устлан коврами. На одной из дверей – торговый знак HOTEL «SLONIK». Рядом стояла крупная пёстрая фигура индийского слона из папье-маше – символ отеля. Если кто-то проходил мимо него, слон приветливо качал лопаухой головой с хоботом.

Одна из дверей была приоткрыта. В просторном кабинете «хай-тек» перед мониторами локальных камер наблюдения сидела хозяйка гостиницы – уже известная пятидесятилетняя Светлана Евгеньевна.

Кто давно её знал, тот бы подтвердил, насколько она всегда была энергичной, любопытной, инициативной. В данный момент она прижимала плечом к уху модный айфон. Пила кофе... Рядом стояла рюмка с ликёром «Бейлис».

Через приоткрытую дверь ей было видно, как по коридору проходили вновь приехавшие гости международного симпозиума.

* * *

Госпожа Хаслунд-Дашкова вошла в свои апартаменты. Балдахин над постелью, золочёная мебель, картины в тяжёлых рамах на стенах, антикварный таз с фаянсовым кувшином на мраморном туалетном столе, плотные портьеры на двух окнах, полумрак.

Новая гостья раздвинула портьеры. Стало светло. За окнами – громада «Принцессы Грейс».

Смеясь, вновь приехавшая вышла в коридор гостиницы, позвала:

– Антон!.. Ты где? – заморская гостья вдруг перешла на русский.

... Угрюмый Антон стоял в двери тесного, обитого пластмассовыми панелями спального места, где за голубой пластиковой занавеской угадывалась душевая.

– Я вижу, хорош этот ваш симпозиум... Оставался бы на пароходике...

Бросалась в глаза очевидная разница в оплате этих двух апартаментов – роскошь за «наличку», скудость казённой оплаты.

– Дом с привидениями должен стоять дороже, как сказал кто-то из англичан, – рассмеялась сестра.

Настроение американца было явно испорчено.

– Вспомни, Антон, невзгоды в Гарварде...

– Катерина, звони матери, – прервал ее Антон.

– Пойдём в мой замок Синей Бороды... – позвала она брата и по пути в свой номер начала звонить по мобильнику.

Зазвучали сигналы из телефона – один, другой, третий... * * *

...Где-то далеко от гостиницы откликнулся гаджет в белом блестящем корпусе, в нём зазвенела ответная реакция – четвёртый, пятый...

...Это был лежавший на кухонном столе рядом с кофейником мобильник, на экранчике которого появилось имя «Катя»...

P. S.

Мы ещё часто будем использовать этот «монтажный» приём в нашем повествовании, ибо вы читаете не просто «повесть», а «киноповесть».

Наша надежда – это когда-нибудь вам показать, как всё происходило, а вам увидеть.

* * *

– Ну что?.. Как мать? – спросил Антон, стоя посреди средневековой роскоши.

– Не отвечает... Я же вчера с ней разговаривала... Странно.

– Посылай письмо...

Антон надел очки и начал изучать треснувший старинный ручной кувшин на мраморном туалете. Потом перешёл к потемневшему от времени пейзажу с пиниями на склонах Везувия.

– Написала?.. Читай.

– «Мамочка! Мы, к сожалению, приехали раньше времени и, оказывается, только на три или четыре дня. У Антона симпозиум. Цейтнот. А ты где?.. Катя».

* * *

...Этажом ниже в кабинет хозяйки гостиницы вошёл молодой бородатый администратор. По тому, как он вальяжно сел на диван, положив ногу на ногу, было видно, он не простой служащий отеля.

– Симпозиум оформил? – спросила Светлана Евгеньевна, взяв из рук Максима список, и стала внимательно его изучать...

– Кто такая Дашкова? – в голосе хозяйки гостиницы проснулся интерес.

– На самом деле она Хаслунд... Я поселил её у «Людовика Четырнадцатого»... Она оплатила, не моргнув глазом, по «ВИЗЕ карт блё».

– Вот как... Она, что ли, из Франции?.. А кто такой Кречевский?.. Почему он тоже Хаслунд?

– Они брат и сестра.

– Вот как!.. Интересно... Как выглядят?.. Похожи?.. Возраст?..

– Не первой свежести... – пожал плечами администратор Максим, встал и вышел из кабинета.

Как только дверь за ним закрылась, Светлана Евгеньевна немедленно взялась за свой айфон:

– ...Аркадий Савельич?.. Это Света Фёдорова, ваш любимый отель SLONIK... Кажется, на ловца и зверь бежит...

В трубке стал слышен громкий голос знакомого по сестрорецкому кладбищу господина Бруевича:

– Здравствуй, Слоник!.. Слышу волнение... Возьми себя в прелестные ручки...

Слоник от души рассмеялась – ей нравился этот старомодный комплиментарный тон старика Бруевича.

– Как вы и говорили, у нас, действительно, тут по соседству, на Конногвардейском, начинается какая-то очередная научная движуха. Много иностранцев, и там затесались какие-то Дашковы – то ли из Штатов, то ли из Франции...

– Надо же!.. – Бруевич явно веселился. – Ловцы... Звери... Движуха... Пароходы...
Неожиданно!

Потом голос в трубке стал серьёзным:

– Евгеньевна, пришли кого-нибудь из классово близких.

– Хорошо, сейчас пришлю Максимку...

– Или нет, я сейчас сам заскочу.

Светлана Евгеньевна взяла со стола фотографию в рамке, стоявшую в окружении семи нефритовых слоников «счастья», долго смотрела на неё, грустно улыбаясь.

Это был портрет Вадима Дашкова – молодого, смеющегося... Такой же портрет был зимой на Сестрорецком кладбище.

Секунду помедлив, Слоник убрала фотографию в ящик стола. * * *

...Момент наступления вечера в это время года в Петербурге трудно заметить – белые ночи!

На Английской набережной, где когда-то стояла Англиканская церковь Иисуса Христа, – она же Нижняя Береговая набережная, она же Галерная, она же Исаакиевская, она же Красного Флота и куда нынче причалил океанский лайнер, было светло как днём.

Иллюминация – знак праздника и гостеприимства!..

...Брат и сестра Хаслунды вышли из гостиницы SLONIK на свежий речной невиский воздух. Прошли мимо ещё одного расписанного индийского слона на крыльце, символизирующего охрану дома, а также мудрость, величие, добродушие, энергию и удачу. Брат задержался возле стоявшей у входа видавшей виды серой «Волги».

– Наш «Форд» середины пятидесятых, – показал на машину Антон.

– Тут по-русски написано «ГАЗ», – прочла сестра.

– ...Или канадский «Шевроле», – предположил старший брат, не приняв во внимание слова Кати.

Взгляд Кати остановился на ярком гляцевом журнале в его руках.

– Постой, постой... Откуда это у тебя?.. – она взяла в руки периодическое рекламное издание. – И что такое «Вторичка»?

- Вероятно, от слова «второе», второй раз, секонд-хенд. В чём проблема?
- Посмотри на обложку...
- ...«ARCHIVES – ВТОРИЧКА» назывался журнал, и на его обложке было помещено крупное цветное фото старого европейского сельского особняка.
- Это же наш с мамой дом под Дюнкерком...
- Действительно, похож... – кивнул Антон.
- Правда, фото какое-то старое, сделанное, как видно, до появления нашего «Бистро».
- Таких домов там много... – успокоил сестру Антон, собираясь выбросить журнал в урну, но Катя его остановила:
- Постой-постой... – и положила «Вторичку» в свою сумку.

* * *

...Юлия Ивановна Дашкова в шелковом гофрированном халате тоже пила кофе с гренками в своей крохотной кухне без окон, когда резко, по-старинному, зазвонил городской телефон с диском. Она взяла тяжёлую трубку:

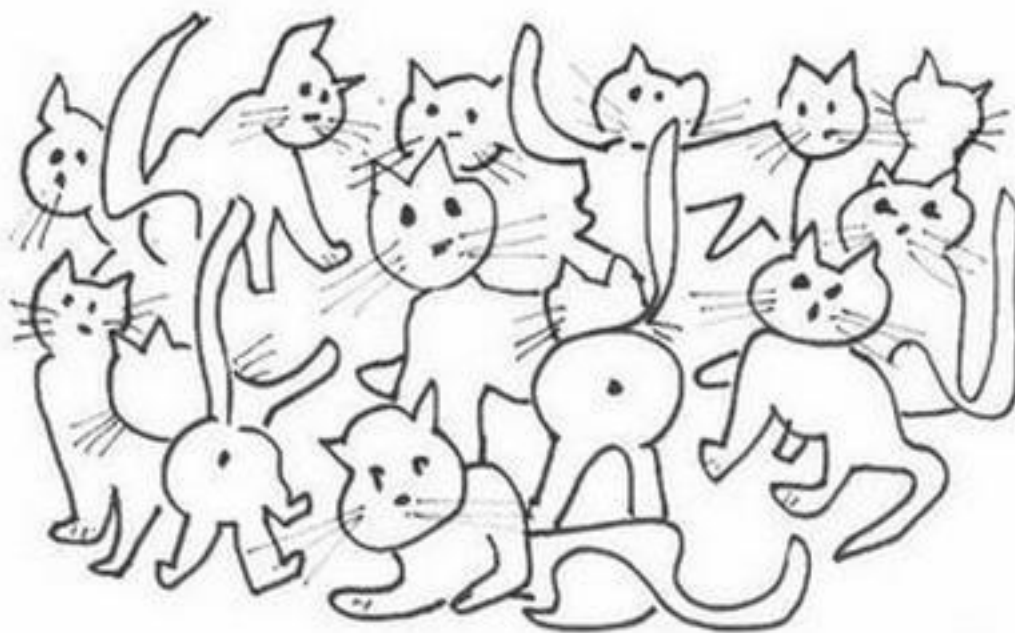
- ...Гостиница «Мяу».
- Гав-гав! – ответила трубка, и послышался смех.

Юлия Ивановна терпеливо дослушала раскаты смеха, не прерывая весельчака.

– Не нахожу ничего смешного... – вежливо сказала она. – Да, приют... Да, ветлечебница... Да, для кошек, а не для собак... Да, «Мяу»!..

Юлии Ивановне за семьдесят, она погрузнела, не так подвижна. Но свежа лицом – долгие годы регулярного ухода, отсутствие семейных хлопот, эгоизм... Всё это дало положительный результат. Она была полна энергии и инициативы.

Теперь её потревожил дальний сигнал мобильного телефона. Он, судя по звуку, находился в другом конце квартиры. Юлия Ивановна перешла из кухни через спальню в гостиную. Обе эти комнаты являли собой яркое и пёстрое зрелище.

На столе, на шкафах, комодах и полках были разложены несколько разнокалиберных лукошек, плетёных корзин, коробок. Все они были заботливо утеплены и красиво оформлены шерстяными платками, шальями, свитерами – пёстрыми и ярко-цветными – разным цветом для каждого гнезда. Вокруг бегали котята, а в самих гнёздах дремали солидные постояльцы.

Юлия Ивановна, усевшись на свой любимый старый велотренажёр, строго оглядела себя в огромном настенном зеркале и приложила мобильник к уху.

– Да, слушаю... Ой, Светочка!.. Ой, Слоник мой дорогой! Ну, что, какие новости?..

* * *

Кадр из «Семейной кинохроники» 1990 г. – «Перестройка»

...Проводив гостей, с которыми была шумно, сытно и пьяно отмечена защита диссертации Юлии Ивановны, усталые Вадим Дашков и его супруга сидели в креслах по разные стороны тёмной комнаты. За окном назойливо мигала цветная реклама, стало скучно и пусто...

– Юля, почему у нас нет собаки? ... Или хотя бы кошки.

- *Этого только не хватало!*
- *Уходят люди, и в доме такая пустота.*
- *А что тебе мешает? Надо меньше болтать и больше работать...*
- *Я работаю.*
- *Не просто работать, а постоянно понимать свой потолок.*
- *Как ни поднимай, а потолок всё равно один – дубовая крышка...*
- *Что за гадости к ночи!..*

* * *

Юлия Ивановна продолжала крутить педали велотренажёра, не отрывая мобильного от уха.

На рабочем столе в окружении нескольких котят стоял мужской фотопортрет в рамке красного дерева... Это всё тот же Вадим Дашков. В углу портрета – чёрная траурная лента...

– Какой журнал? – не понимала Юлия Ивановна. – Что привёз Бруевич?.. Какие Дашковы?.. Где?.. У тебя?.. Покажешь?..

Крутя педали велотренажёра, она долго слушала, что ей сообщал мобильный телефон.

– Только не надо! Твой Максик – он не Дашков, он – всего лишь Фёдоров... Это я – Дашкова, я!.. – нервно настаивала Юлия Ивановна. – ...Даже не разведённая, представь себе! За это время пару раз меняли паспорта, но я везде – Дашкова... Скажи мне лучше, будь другом – что ты теперь затеяла?.. Прямо на обложке?.. Цветное фото?..

* * *

...Хозяйка гостиницы Светлана Евгеньевна встала, подошла к двери своего кабинета и плотно прикрыла её.

– Это фото – то ли французского, то ли бельгийского дома Вадима – на обложку делал сам Бруевич. И не только на обложку. Там внутри ещё несколько фоток, – сказала она. – Правда, какие-то совсем свежие... Как после ремонта...

– Чья интрига?.. Какая цель? – продолжала недоумевать хозяйка ветеринарного приюта «Мяу!».

– Я тут ни при чём... – чётко сказала трубка.

...Конногвардейский бульвар (бывший бульвар Профсоюзов, бывший Благовещенский, бывшая Адмиралтейская часть) в Петербурге начинается с огромного здания Манежа (бывших казарм лейб-гвардии Конного полка, бывшего гаража НКВД), превращенного в новейшие времена в выставочный комплекс с многочисленными аудиториями и залами для всевозможных мероприятий социального, научного и культурного свойства, для престижных выставок и вернисажей.

Бульвар по обе стороны открывается двумя «Колоннами Славы» с фигурами богини Ники – подарок короля Пруссии Фридриха-Вильгельма Четвёртого императору Николаю Первому.

Манеж окружён сетью гостиниц – от самых элитных («Астория», например) до частных и мелких (SLONIK на Английской набережной).

...В буфете гостиницы SLONIK царствовал дядя Костя в расшитом золотом индийском колониальном камзоле. Он поставил перед Катей и Антоном чашки, кофейник с утренним кофе и кувшинчик со сливками. Каждую чашку украшала эмблемка маленького пёстрого слона.

– А круасаны? – спросила французская гостья.

– Круасанов у нас не бывает, – ответил дядя Костя. – У нас пирожки...

- Какие?
- Мини... Есть с капустой...
- С капустой? – скривился Антон.
- Есть ещё с брусникой, с черникой и чёрной смородиной.
- Очень интересно, – сказала Катя. – Можно всё попробовать?
- Можно, – ответил дядя Костя. – Есть ещё пряники... мятные.
- Рестораторша из провинциального Парижа перенимает передовой индо-русский опыт... – усмехнулся Антон. – А мне пряники... Вспомню детство.

* * *

...Под жидкие аплодисменты полупустого конференц-холла в Конногвардейском Манеже очередной докладчик покинул кафедру. Модератор на двух языках (английском и русском) объявил:

– Массачусетский технологический институт... Профессор Хаслунд-Кречевский.

К кафедре подошёл Антон. На нём бордовый гарвардский пиджак с гербом на грудном кармане, галстук-бабочка под цвет пиджака.

Катя сидела в последнем ряду, листала глянцевый журнал со своим домом на обложке, набирала опять очередное послание на своём телефоне.

Антон, надев очки, заговорил по-английски:

– Все проблемы сегодняшней астрофизики – это проблемы большого взрыва и того, что за ним последовало... А что было до взрыва? Именно это сейчас волнует учёных нашей страны...

Из зала по-русски раздался голос:

– Какой «нашей-вашей страны»?

– Соединенных Штатов Америки... – с достоинством ответил Антон. – Ну, хорошо. Я вижу, в зале – большая часть учёных из России. Попробую изложить всё по-русски.

– В таком случае, – объявил медиатор, – перевод пойдёт, господа, на наушники. Прошу их надеть...

Антон заговорил по-русски:

... – Группа международных астрофизиков обнаружила в созвездии Рыб огромную чёрную дыру. Открытие может перевернуть все теории, описывающие формирование чёрных дыр...

Катя безрезультатно мучала свой мобильник, пыталась слушать доклад брата. Очевидно, что проблемы космоса её не волновали.

Антон продолжал:

... – Мы рассчитываем выяснить, как проходило развитие открытой чёрной дыры с помощью сверхмощных телескопов, в том числе орбитальных обсерваторий...

* * *

...Белый мобильный телефон лежал рядом с кофейником на небольшом складном столе из алюминиевых трубок посреди необжитой кухоньки... Звенел и звенел. И никто его не брал в руки...

* * *

На реке Фонтанке, как и на прочих речках и каналах Петербурга наблюдалась оживлённая жизнь. Корабельщики стремились обслужить как можно больше гостей города в это короткое летнее время. Речные трамвайчики, катера и баркасы сновали между гранитных высоких набережных, где возле дебаркадеров и причалов выстроились очереди туристов, желающих рискнуть своей жизнью ради красот Петербурга.

Широким шагом брат и сестра Хаслунды шли по набережной Фонтанки.

– Ты точно уверен, что помнишь ваш дом? Ты же был совсем маленький...

– Не совсем... Я только дотянул до школы... Надеюсь найти... Что ты предлагаешь?.. Это единственное место, где мы можем хоть что-то выяснить про мать. Надеюсь, найдём... – повторил Антон неуверенным тоном.

– А если не найдём?.. Я сойду с ума.

– Если не найдём, обратимся сначала в дирекцию симпозиума, а потом и в милицию... Или здесь теперь полиция?.. Дом необычный, двор не похож на русские дворы, такой кривой, скандинавский стиль, северный модерн... Швеция, Финляндия – рядом... Стоп!.. Кажется, сюда...

...Здесь же, на Фонтанке, они обнаружили маленькую кондитерскую, заглянули туда, подумав о правилах первого визита...

Кадр из «Семейной кинохроники» 1985 г. – «Застой»

Ежеутренний ритуал. Цель – детский сад. Ольга и Лариска тянут сонных сыновей – Серёжку и Антона. Валюшка тоже едет с ними в автобусе того гаража, где командует Лариска. И по тому же адресу. Она там работает воспитательницей в младших группах. Любит детей и своих и чужих.

– Валюшка, тебе не нужно финское пальто? – спрашивает Лариска.

– Какой цвет?

– Дутое...

– Да ладно... Мне Сашка из Чехословакии привезёт. Там скоро чемпионат...

* * *

...С детства знакомый Антону угловой подъезд...

Зимой и летом пять раз в неделю пересекал он этот порог по дороге в детский сад, и обратно – домой. Из этих же дверей вышел он, но не для того, чтобы пойти в первый

класс, а чтобы уехать навсегда в Америку. Теперь Антон взрослый профессор, а не маленький Антошка. В его жизни всё поменялось.

В самом же столетнем доме почти ничего не изменилось.

Расхлябанный, но надёжный дореволюционный лифт... Витражи, барельефы, кафель...

Плохо крашенная дверь. Поворотная бронзовая ручка старинного звонка, фарфоровая кнопка нового.

Антон нажал на неё, в руках Кати коробка с большим тортом из кондитерской на Фонтанке.

Замерли в ожидании...

Наконец, дверь открыл молодой блондин с чайником в руке. Антон надел очки.

– Добрый день... Когда-то я жил здесь этажом выше, как раз над вами... Можно ли повидать Валю и Сашу – мужа и жену – Валентину и Александра...

Молодой человек, секунду присмотревшись, попробовал угадать:

– А ты что, знаменитый Антон?... Из Америки?..

– Из Америки... Это Катя, моя сестра, – представил Антон. – А вы всё ещё здесь живёте?..

– Здесь живём, здесь, – криво усмехнулся молодой человек. – Куда мы денемся!.. Заходите, гостями будете... Иваном меня зовут. Родился уже после вашего отъезда... Петров – фамилия.

* * *

Кадр из «Семейной кинохроники» 1995 г. – «Разлом»

...Роддом. Все Валюшкины подруги в сборе. Их дети с ними... Медсестра выносит в вестибюль очередного новорожденного:

– Петров!.. Кто отец?

– Я – отец! – торопливо отзывается Лариса и принимает на руки младенца.

– Какой красавец! – говорит она Валюшке. – На тебя похож. Быть ему Ванечкой...

* * *

– «Иоанн, Богом данный!» – раздался торжественный и зловещий голос из коридора, уходящего вглубь квартиры. Оттуда и появилась миловидная женщина:

– Здравствуйте...

– Это моя сестра Танюшка... – обнял её Иван и передал чайник. – Танюшка, зови всех, видишь – торт принесли...

Танюшка с чайником в одной руке другой взяла у Кати увесистый торт.

– Как вы ласково называете всех женщин, – улыбаясь, сказала Катя. – Наша мать говорила, что всегда была здесь Ольгунькой. А её здешних подруг она называла Лариской и Валюшкой... Мы как раз маму ищем. Может быть, вы знаете?

– Она у нас ночевала пару раз весной... – стала припоминать Танюшка.

– А потом?

– Потом она, по-моему, жила в гостинице... Или уехала назад, к себе – за границу.

И Танюшка с чайником и тортом исчезла на лестнице, побежала на этаж выше. В это же время стали появляться местные обитатели. Иван начал всех представлять:

– Это всё Танюшкины дети, мои бесчисленные племянники – Семён, Архип (который охрип) и Розочка... Ещё один их брательник – Павел... Ты почему не на тренировке?.. Он у нас тренер по скоростному убеганию с занятий.

– Брательник? – не поняла иностранка Катя.

– Ну да... Братан, братуха, брателло – если хотите... Половина из них живёт со мной и бабушкой в этой трущобе, а Танюшка с младшенькими этажом выше – в ваших бывших апартаментах.

– А где ваша мама? – спросила Катя. – То есть бабушка... Валюшкой, кажется, зовёт её наша мать.

– Была в роддоме...

– В родильном доме? – усомнился Антон – Сейчас ей, наверное, уже шестьдесят?

– Пятьдесят восемь, – засмеялся Иван. – Она в роддоме патронажной сестрой... Детей, видите ли, любит...

– Может быть, позвонить ей, – предложила Катя. – Она, наверное, знает про нашу мать.

– Бесполезно... И нельзя туда... Она наверняка в реанимации. Четвёртый день, как по тревоге, дежурит возле младенца... Тяжёлые там, видать, были роды.

– А отец ваш известный, мама говорила, в своё время хоккеист? Может быть, он знает...

– Давно не видели. Снимается в рекламе... Про какой-то стимулятор. Как он называется?

– Ой, Ваня, прекрати!.. – все засмеялись.

Кадр из «Семейной кинохроники» 1985 г. – «Застой»

Жизнь Валюшки с хоккеистом Сашкой сложилась трудно. Он был знаменит, заносчив, страстен и ревнив.

– Я ему честно сказала: была на дне рождения. У Лариски можешь спросить...

– Кто тебя за язык тянул? – возмутилась Лариса.

– Что же мне врать, если ничего не было.

– А потом?

– Разбил мне бровь... Я его боюсь! Он спросил: танцевала? – Два раза с одним мальчиком... – Он закричал: «Этот тип провозжал тебя?..» – Я честно ответила: «Только до остановки»...

Драматический рассказ Валюшки прервал страшный грохот. Дверь закачалась. А затем стали слышны Сашкины стоны.

Валюшка вся дрожала:

– Не открывай... Он... меня убьёт... (через дверь) Сашенька! У тебя же ключица сломана...

* * *

– Пить чай будем у Кречевских! – объявил Иван. – Прошу к столу! – скомандовал Иван Петров.

И вся компания вышла на лестницу.

– У Кречевских? – тихо спросила Катя своего брата.

Он ответил, когда они входили в квартиру:

– Я в ней родился.

В прихожей был полумрак, и Иван дёрнул за верёвочку от бра на стене. Но свет не зажёгся.

– Тридцать лет назад он тоже не зажигался, – вспомнил американец.

Кадр из «Семейной кинохроники» 1985 г. – «Застой»

Скандал Валюшки и хоккеиста Сашки уже угас, когда появился их друг латыш Герберт. Он был дипломат, и все решили, что он их успокоит.

Ольга встретила его в прихожей, дёрнула за верёвочку от бра на стене, но свет не зажёгся.

– У вас есть отвёртка? – спросил дипломат. – Или нож...

Минута, и в прихожей стало светло.

– Не выношу, когда техника не в порядке... – сказал Герберт.

С этой фразы начались их отношения.

* * *

...«Служебный роман» женатого Вадима Дашкова и разведённой Ольги Кречевской рассыпался в дни так называемой Перестройки, когда рассыпалась целая страна – Советский Союз.

«Брак ради ребенка» с дипломатом лопнул – брошенный Ольгой на дороге в Москву и оскорблённый в лучших чувствах латыш Герберт уехал служить в Швейцарию.

...И тут произошло нечто стремительное. Они повстречались во Внешэкономбанке.

Она была в этом банке в последний раз – оформляла расчётные и налоговые документы, хвосты по заработной плате – их НИИ, лишённое какого-либо финансирования, закрывалось.

Он – менял американскую валюту на шаткие, легковесные рубли.

Они встретились у касс...

– Do you speak English?

– Я учила французский.

– Tres bien...

И вот уже пришлось сдавать квартиру Совету жильцов Толстовского дома – тогда ещё не было никаких приватизаций. Барахло – мелкую мебель, тряпки, книги увезли её родители и брат Витька в Приозерск. Антона выписали из школы, куда он только что поступил.

И вот они уже в Америке... Ольга из товарища Кречевской вдруг превратилась в миссис Бьёрн Хаслунд... Белый коттедж в Санта-Монике с бассейном, садом и садоводом, с гаражом на две машины, с пляжем у океана.

Бьёрн, как и положено викингам, был заядлым путешественником, колесил по свету – главным образом по Латинской Америке. Собирал сувениры. Однажды привёз сушёную голову маори как джазовую погремушку «маракасу». Привезённые из Советского Союза Ольга с Антоном тоже были экспонатами его коллекции.

В конце первого года их жизни в Санта-Монике появилась на свет Екатерина Хаслунд – Катя.

Бьёрн был уверен, что эта рыжая, как и положено норвежкам, девочка – его дочь...

* * *

– ... Я родился в этой квартире... – растроганно и тихо повторил в полумраке коридора Антон, озираясь вокруг.

– Кто будет резать торт?.. – возгласил Иван.

– А про себя-то Ваня и не сказал, – скромно заметила его сестра Таня.

– Сантехник! – шутя, с поклоном, представился Иван... – По-старому водопроводчик... Работаю здесь, у нас, в нашем доме, в бывшей прачечной. Эту квартиру мне с матерью дал «Совет жильцов и их потомков» за то, что я здесь родился, живу и работаю. Хороший дом, древний, ему сто лет... Здесь и водопровод, и электрические лифты были с самого начала, аж до революции... В те времена я назывался бы «золотарём».

– Золотарь? – переспросила Катя.

– Называемся мы по-разному, но дом-музей не покидаем!.. В отличие, так сказать, от некоторых... – не удержался от ухмылки «золотарь».

– А если бы даже хотели покинуть... Ха-ха! – иронизирует Танюшка... Ты лучше почитай про «дом-киномузей». Это же был и ваш дом, и даже эта конкретная квартира, дорогие зарубежные гости...

– Почитай, Ваня, почитай... – зашумело всё общество.

– Ладно, – согласился Иван. – «Посвящается птенцам гнезда Петровых», сидящим за этим столом.

И пока всё общество занималось торгом, Иван, как и положено поэту, стал читать свои стихи с лирическим подвыванием:

*И во сне не мог, едва ль,
Шведский зодчий Фрэд Лидваль,
Возводя за домом дом,
Даже помышлять о том,
Что ему судьбой дано
Стать сценографом... в кино!
...В плане был доходный дом,
А возник... ПАВИЛЬОН!
С Троицкой и до Фонтанки
Едут кэбы и тачанки,
«Волги», «Чайки», «Москвичи» —
Тихачи и лихачи.
Кто-то сломан, кто-то скачет,
В коммуналках дети плачут
У некрашенных дверей
Одиночек-матерей...
... Для столетних декораций
Лишь сюжетам бы меняться.
Так Лидваль уже давно
Стал художником кино...*

- Замечательные стихи! – восхитилась Катя.
Антон промолчал...
- Лидваль – швед, – как и ваш отец... – закончил своё выступление Иван.
– Наш отец – норвежец, Хаслунд... Бьёрн Хаслунд – возразила Катя. – Мы все – Хаслунды... Но на самом деле отец Антона – поляк, а мой папа – русский.
– Не семья, а Организация Объединённых Наций, – пошутил Иван. – ООН...
– Это действительно ваши стихи? – поинтересовался Антон.
– Действительно... – коротко ответил Иван.
Торт всему обществу нравился.
Иван, услышав звонок, вышел в прихожую и открыл входную дверь:
– Прямо из рая красавица Рая с домочадцами! – вернувшись в комнату, объявил Иван...
Вошла привлекательная рослая женщина в пёстрой блузке-вышиванке и джинсах. С ней трое детей – две девочки-погодки пяти и шести лет и мальчик среднего школьного возраста.
– Раиса – бухгалтер, без пяти минут банкирша, повелительница чужих и не только чужих денег.
Она ответила немедленно:
– Сиди, Ваня, на диване, не считай в чужом кармане!
Тот в ответ тоже немедленно:
– Эксбюз ми, миссис Рая, я здесь первый, вы – вторая... Видите, уважаемые гости, какая у нас поэтическая среда... Бухгалтер с экспромтом, сантехник тоже за словом в карман не лезет. Поэзия возвращается в наши дома!
– Дети, идите к торту... – Раиса направляет их к столу в соседней комнате. – Моя свекровь, Лариса Павловна Русинова, тоже начинала счетоводом. А теперь в Москве половину

казённого гаража приватизировала. Она называла вашу мать «замороженной вишней». Знаете ли вы об этом?

Её рассказ прервал дверной звонок.

– Её сыночек идёт, – кивнула в сторону двери Раиса. – То есть мой супруг.

* * *

Кадр из «Семейного архива» 1990 г. – «Перестройка»

Когда вся весёлая компания из Толстовского дома провожала Ольгу с пятилетней Катей в Америку, среди детей выделялся рослый парнишка – это и был Сергей, сын Лариски.

– Серёжка тоже скоро в Америку поедет, – сказала Лариска. – Вот кончит колледж... И туда. Теперь все туда намыливаются... Время великих путешественников.

И вам с Катькой счастливо приземлиться... нет... то есть... приамериканиться.

* * *

... Взрослый дядя под сорок – в тельняшке, вязаная кофта наброшена на широкие плечи, встал, улыбаясь, перед Антоном, протянул руку:

– Сергей.

– Капитан-лейтенант Балтийского флота товарищ Русинов, – представил его Иван. – Ему после колледжа обещали Америку, да не тут-то было. Зато от богатой матушки досталась шикарная квартира, здесь же, на нашей площадке...

– Кончай, Ваня! – смутился Сергей. – Нормальное жильё...

Кадр из «Семейной кинохроники» 1990 г. – «Перестройка»

Лариса превратила расселённую ею коммуналку в белый мир – стены, мебель, занавески. Всё белое... Новая планировка – без дверей.

– Ты теперь на «Мерседесе»?

– Мы тоже не валенки... – гордо ответила Лариса. – Как муж-американец?

– Я с ним не живу... А человек он замечательный. Любит детей.

– Я помню твой лозунг: семья как Родина?

– Наверное, семья там, где родина... – подумав, ответила Ольга.

– ...Не видела я твоего, – помолчав, сказала Лариса. – Не возникал... Как в воду канул...

* * *

– Исторический экскурс! – объявил Иван. – Здесь есть и коммуналки, есть и апартаменты. Раньше в них жили бары, дворяне, потом партийная элита, «сливки», секретари, военачальники, а теперь вот... «Квартирный вопрос»!.. Сама же бизнес-леди, то есть Лариска, как вы правильно заметили, берите выше, обитает в Москве, крутая хозяйка гаража какого-то топового министерства...

– Только что-то редко свекруха нас вспоминает... – вставила Раиса.

– Кончай, Рая! – перебил её Сергей.

– Про ГЛОНАСС слышали? – сменил тему Иван.

– Жи-пи-эс? – поправляет Антон.

– ГЛОНАСС – это «Замком по морде», – снова вмешалась ехидная жена Сергея.

– Ну, кончай, Раиса!

– Замком по морде? – поражена Катя.

– Не понял, – нахмурился Антон.

– ЗАМеститель КОМандира ПО МОРским ДЕлам! – довольная старинной шуткой, засмеялась Раиса. – Это же про моего Сергея!.. Его должность... Вот и ГЛОНАССом он тоже занимается.

– Серёга у нас, как хозяин ГЛОНАСС, помогает найти магистрали-пути. Проведёт без запинки и по стёжке-тропинке... – стихами заканчивает этот необычный для заезжих гостей разговор поэт-водопроводчик Иван Петров.

* * *

...Антон и Катя снова на набережной Фонтанки, вышли из дома, в котором только что приобрели много новых знакомых. С некоторыми из них обнаружили невидимые нити связей с какой-то прошлой жизнью их родителей, друзей, соседей. Необычное, странное чувство...

– Что такое «золотарь»?

– Что-то связанное с золотом, вероятно... Goldsmith – то есть «ювелир»... Наверное, из ювелирных династий.

– «Птенцы гнезда Петрова»!.. По-моему, это Пушкин... Или Лермонтов? – гадала Катя. – Иван – славный парень... Ты согласен?

– Болтлив... И развязен.

Но Катя не согласилась с братом.

– Просто вежлив... Антон, я сойду с ума... Идём в полицию.

– Сначала, – упорствовал Антон, – посоветуемся в администрации симпозиума... Зачем сразу в полицию? Мы всё-таки не дома. Пару раз весной она здесь ночевала... – задумался Антон.

– А потом – в гостинице?

– В какой? – размышлял брат. – Сколько здесь гостиниц?.. Или можно обойти или обзвонить?..

– Логика типичного американского сухаря, янки. – Катя была возмущена. – Петербург огромный город. По-моему, больше Парижа... «Обойти, обзвонить...» Ты ведь жил здесь!.. Даже родился! – Катя вновь набрала номер на айфоне.

* * *

Белый телефон на кухне упрямо колотился...

Рядом с кухней в прихожей – несколько пар женской обуви, зимней в том числе. На проволочной вешалке – спортивная потрёпанная куртка, шубка из чёрной каракульчи...

* * *

...Антон и Катя вышли на широкую квадратную площадь (бывшую «Perukka-Saari», бывшую площадь Михайловского двора, бывшую площадь Фердинанда Лассалья).

Ныне это Площадь Искусств, расположившаяся между Инженерной и Итальянской улицами. Брат и сестра, остановившись возле памятника Пушкину, смотрели на Русский музей.

– Париж, не Париж... – задумчиво сказал Антон. – Но что-то общее есть.

– Есть! – согласилась Катя. – Антон, где мама? Идём в полицию.

– Когда мы с мамой уезжали в Штаты, здесь была милиция, нормальная милиция... Когда она успела превратиться в полицию?.. И зачем?.. И так быстро...

– А жандармерия здесь есть? – зная французский порядок, спросила Катя.

– Сомневаюсь... Такой полиции, как у нас в Штатах, наверняка, тут нет... Поэтому – местная полиция в крайнем случае. Сначала – симпозиум. Там толковые, интеллигентные люди. Но туда ещё рано...

Катя была огорчена.

Тем временем сухарь и педант ударился в воспоминания:

– Вот здесь, в МАЛЕГОТе...

– Где?

– Так называли этот театр – МАЛЕГОТ – Малый государственный оперный театр. Сокращённо... По-старому – в Михайловском театре, – как рассказывала мне мама, – всю жизнь танцевала моя бабушка Софья Николаевна Кречевская... В девичестве – Соня Обухова... У нас в Вермонте есть несколько фото... И в русском Интернете я её нашёл...

– Ты всё знаешь про театр? Откуда?

– Я тут, на этой площади, всё знаю наизусть. Меня на ней выгуливал мой дед Генрих Янович Кречевский. Вот там за углом, на Инженерной – цирк. Вот здесь на углу – оперетта. Рядом Филармония – бывшее Дворянское собрание. Здесь и работал сам дед.

– Кем?

– Он был музыкант...

– Какой?

– Из «духовенства»...

– Ещё и священник? – изумилась Катя.

– Гобой, фагот... – засмеялся Антон. – Медь, то есть трубы. Все, кто дует... Это и есть «духовенство»... Давным-давно дед играл в Персимфансе...

– Опера? – снова удивилась Катя.

– При коммунизме большевики, – начал делиться своими знаниями старший брат. – Они всё хотели сокращать – МАЛЕГОТ, Совнарком, колхоз, совхоз, Наркомпрос... ВКПБ... Аббревиатуры – понимаешь?

– Абривизэтер, понимаю...

– Персимфанс – это оркестр без дирижёра, «ПЕРвый СИМФонический АНСамбль»... Как теперь здешний ГЛОНАСС...

– Это же везде так, – сказала Катя. – ООН, НАТО, Евросоюз... Брекзит...

...По узкому мостику они не спеша пересекли Екатерининский канал (бывший канал Грибоедова, бывшую речку Кривушу) и свернули в тихий переулок...

– А почему ты не стал музыкантом?

– Был бездарен по этой части... – усмехнувшись, объяснил Антон. – Наверное, мог бы быть только барабанщиком.

На самом деле этот мальчик показывал удивительные результаты и в музыке, и в математике. Известно ведь, что музыка – это мир цифр и чётких формул. Но его американский отчим – математик Бьёрн Хаслунд направил стопы своего талантливого пасынка в Гарвард – в мир цифр и расчётов. Засох парень...

Антон продолжал вспоминать:

– Вот здесь, я хорошо помню, в переулке была их уютная квартира. Как он теперь называется?

Антон стал разглядывать номер на доме.

– Шведский, два... Меня часто отправляли сюда ночевать. И мама приходила сюда за алиментами... Или элементами...

– За какими «элементами»?

– Не знаю, – пожал плечами Антон. – Я запомнил это странное слово... Но никогда их не видел... И даже не представляю, как они выглядят.

* * *

Кадр из «Семейной кинохроники» 1985 г. – «Застой»

...Народная артистка Софья Николаевна Кречевская пощупала пульс своей бывшей невестки Ольги:

– Плохо выглядишь... Прими ванну с бадусаном... Или заведи любовника.

– Есть.

– Значит, хорошего заведи.

– Вроде хороший...

– Вот тебе «элементы», как говорила покойная Дуня.

– Тут не много ли?..

– Твой бывший, наконец, получил за свой учебник...

* * *

Катя и Антон подошли к дому, вошли в подъезд. Там сидела охрана.

– Нас интересует квартира известной балерины Софьи Кречевской, – начал Антон.

– Геморрой? – переспросил охранник.

– Не понял...

– Вы пришли в «Центр израильской медицины „Сан-Клиник“», – вежливо объяснил чоповец...

Уже на улице Антон продолжил:

– Жила здесь и моя двоюродная сестра Алиса по той, польской линии. Но где она – я не знаю... Может быть в Польше... Глупо как-то...

Теперь они сидели на лавочке возле Пушкина.

– Пушкин очень похож на моего бывшего одноклассника в Дюнкерке.

– А не наоборот? – наставительно сказал старший брат.

– Как называются у мужчин волосы на висках?

– Бакенбарды. Это голландское слово... Хиппи любили «бачки».

– Элвис Пресли, – припомнила Катя. – И мой Мохамед...

– Куда всё это делось? – задумчиво спросил Антон у сестры. – Альбомы, книги, мебель, гравюры, бабушкины туалеты?.. У антикваров?.. В комиссионках?.. На свалках? Удивительно... Бездонная дыра, чёрная бездна. Прямо космос какой-то! За то короткое время, что мы с тобой живём на этом свете, исчезла целая страна...

– Почему исчезла?.. Вот она...

Катя обвела рукой вокруг себя.

– Вот мама, действительно, куда-то исчезла... – на глазах Кати слёзы.

Она вытащила из сумки журнал «Вторичка».

– И вокруг дома нашего началась какая-то интрига... Только ведь мама знает, где все документы и застрахован он или нет.

– А разве дом может быть не застрахован?

– ...Не застрахован!.. Эх, американец!.. У нас во Франции юристы – самые известные в мире жуки и комбинаторы ещё с наполеоновских времён... Антон, я боюсь!

– А отец твой, дядя Вадим, успел переписать всё на тебя или нет? – спросил Антон. – Это должна знать мама...

– Где она?

– Сначала в офис симпозиума. Перед вечерним заседанием...

* * *

Две уже известные нам дамы – Светлана Евгеньевна и Юлия Ивановна пили послеобеденный кофе, который принёс им «грум» и буфетчик в индийском наряде усатый дядя Костя.

Дамы сидели возле круглого столика в кабинете хозяйки гостиницы.

– Кто же делал эти фотки, если не дорогой наш Аркадий Савельич? – задала вопрос Юлия Ивановна, перелистывая пухлый журнал.

– Кому-нибудь заказал...

– Он что – дожидался смерти Вадима?..

– Всё может быть... Он и на кладбище был слишком оживлённый... – предположила Светлана Евгеньевна.

– И на поминках он тоже был какой-то. А ты – я забыла – была на поминках?

– Нет, – ответила Слоник. – На поминках я, как ты понимаешь, не могла быть...

– Прямо атака какая-то началась... – в голосе Юлии Ивановны проснулось любопытство. – Психическая атака!.. А про родительский дом в Приозерске Бруевич не интересовался?

– Юличка, видела я когда-то этот дом, – засмеялась Светлана Евгеньевна. – Ещё задолго до того, как занялась недвижимостью. Такое Бруевича не интересует.

– Когда успела? – удивляется Юлия...

– Вот успела... Давно продан... Купили «двушку». Там, кажется, живет её брат, Витькой зовут...

– Всё крутится вокруг жилья!.. – развела руками Юлия Ивановна. – Покупают-продают... А я по-прежнему загниваю в своей старой рухляди, несмотря ни на некогда высокие советские чины, ни на обещания интригана Сергеева, ни на свою древнюю вельможную фамилию...

Темпераментный монолог Юлии Ивановны прервал сигнал её же мобильного телефона.

– Алё! – она включила гаджет. – О-о-о!.. Бонжур, месье Али!

Далее короткий разговор по телефону Юлия Ивановна вела на корявом французском языке.

Слоник была чрезвычайно заинтригована и, как только загадочный разговор был закончен, немедленно спросила свою гостью:

– Кто это?

– Некоммерческая контора из Франции. Они мне помогают по кошачьим делам.

– А кто такой Али?.. Азиат?

– Хусейн ибн Али... Милый дядька, врач-ветеринар... Интересовался, нет ли у меня больных животных.

– Всё ясно, – успокоилась Слоник. – А где они находятся?

– В Удельном парке. Серьёзная контора... Настоятельно приглашал в гости...

Хозяйка приюта «Мяу!» встала, бросила в кресло глянцевого журнала:

– Спасибо за кофе... Вкусный... Я поехала... Прав был мямля Дашков – детей надо было заводить... А не кошек!

* * *

Ещё с детства маленький Антон был известен своим упрямством, но и настойчивостью, что было явным признаком польских кровей. Это проявлялось и в русском детском саду, и в американской школе, и в Гарвардском университете, откуда он вышел двадцатипятилетним профессором.

Вот и теперь он добился своего – не обратился в здешнюю «сомнительную» милицию-полицию в поисках собственной матери, а дождался вечернего заседания симпозиума.

...Антон вошёл в просторный офис возле зала заседаний в Конногвардейском Манеже.

– Я – профессор Хаслунд... Здравствуйте... Я из Соединённых Штатов...

Перед Антоном сидела возле компьютера строго одетая девушка – очки на носу, ноль косметики, в петлице – эмблема симпозиума.

– Чем могу быть полезна?

- У меня пропала мать... – заявил Антон.
- У вас?! – изумилась девушка. – Вы с ней приехали?..
- Нет. Она, как мне кажется, здесь в Петербурге живёт. Вероятно, с весны.
- Кажется?.. С весны? Её имя?
- Ольга Кречевская-Хаслунд.
- Я свяжусь с полицией...
- С полицией?
- Да... Слушания начинаются... Я вас найду...

* * *

...Антон сидел в полузаполненном (полупустом) зале, слушал чей-то доклад на английском языке, делал пометки в дорогом делегатском блокноте, зевал, менял позы в неудобном кресле... Томился.

- Профессор Хаслунд... – услышал он девичий голос, обращаясь к нему по-русски. Он встал. Перед ним была девушка из офиса.
- В полиции спрашивают – есть ли у вашей матери телефон...
- Да, конечно... Но он не отвечает.
- Это неважно. Телефон американский?
- Нет... Вероятно, французский.
- Напишите номер.
- Но он не отвечает.
- Это неважно... Они его будут пеленговать... Это потребует времени.

Антон переписал из своего айфона номер матери, вырвал листок из делегатского блокнота...

- Профессор, у меня к вам есть ещё одно дело... Точнее – просьба...
- Чем могу быть полезен? – улыбнулся Антон и надел очки.

– Меня зовут Динара, – слегка нараспев представилась девушка, – Динара Азизи. Я здесь волонтером... А вообще-то я из Майданакской обсерватории, в горах Узбекистана... Но стажируюсь в Пулковке. Наш астрофизический молодёжный центр хочет устроить с вами встречу... Повторите, пожалуйста, полное имя вашей матери.

– Ольга Николаевна Кречевская-Хаслунд-Дашкова... – Антон педантично перечислил все личные данные матери.

– Но ведь я через два дня уплываю, – усомнился Антон. – Вряд ли наша встреча получится...

- Жалко... – сказала грустно Динара.

* * *

Вечер этого дня пребывания в Петербурге закончился для брата и сестры Хаслунд скучно и нерезультативно. Они провели его вдвоём в соседнем с Манежем ресторане «Строганов Стейк-Хаус» на Конногвардейском бульваре.

Екатерина Дашкова к этому времени была уже опытной «рестораторшей». У неё за спиной – работа официанткой в школьные французские годы, и стояние за барной стойкой, была она и метрдотелем. Её школьный товарищ французский алжирец Жан-Пьер Мохамед Таруи – своей арабской ремонтно-строительной бригадой помог ей перестроить первый этаж их дома на берегу Па-де-Кале и открыть там кафе «Бистро» на русский манер.

В этот вечер в Петербурге, сидя в огромном зале «Строганова», Катя с братом решили попробовать настоящие русские пельмени. Получилось дорого и невкусно. Краснодарское

вино пахло пробкой. Ресторан был почти пустой и полутёмный, наполненный, главным образом, делегатами Астрофизического симпозиума.

- Что тебе сказали на симпозиуме про маму?
- Они будут её пеленговать.
- Что значит «пеленговать»?
- По номеру телефона, который я им дал. Завтра в полиции дадут ответ.
- Это же можно было сделать раньше! Эх, Антон-Антон! Я сойду с ума...
- Десерт? – Антон взял в руки карту ресторана.
- Пойдём спать...

Они вышли на свежий воздух. Ничто не радовало Катю. Ни громада Исаакиевского собора, ни Медный всадник, ни панорама правого берега Невы с Университетом, за которым трещали и сыпались беспорядочные фейерверки со стрелки Васильевского острова... Не радовал ни изящный дворец Меншикова, ни величие Академии художеств.

– Пойдём спать... – повторила она свою просьбу.

– Только имей в виду, – сказал старший брат своей сестре. – Ты в Петербурге впервые... Сейчас здесь белые ночи. Метеорологи их называют «гражданскими сумерками»... Возможно расстройство сна, тревожное состояние, потеря «чувства времени», ложись сразу и плотно задерни шторы...

* * *

...Утро следующего дня, от которого брат и сестра Хаслунд ждали лишь сведений о своей матери, не предвещало лично им никаких неожиданностей и крутых поворотов в жизни. Но они случились. Вот как это было.

* * *

...Катя в одиночестве подходила к дому в стиле «северный модерн» – теперь ей знакомы и дорога, и само здание с несколькими дворами и сквозными арками.

Она поднялась пешком по кафельной лестнице, позвонила в знакомую, плохо покрашенную дверь. Стала ждать...

Девочка лет десяти с трудом открыла замки, удивлённо обнаружив на площадке Катю.

– Здравствуй, как тебя зовут? – спросила Катя.

– Тоня.

– Тонюшка? А меня Катя... Позови дядю Ивана.

– Он в подсобке.

– А что такое «подсобка»?

– Это мастерская в среднем дворе... Рядом.

* * *

Полуподвальную мастерскую (бывшая прачечная) можно было угадать сразу – по вспышкам электросварки в низких окнах у самой земли и дверном проёме.

Катя туда вошла. Было дымно. Пахло горелой железной окалиной.

Сварка остановилась.

Стоя посреди подсобки, в окружении труб, фаянса, проволоки и электроприборов, Катя смотрела на Ивана, откинувшего на затылок сварочную маску, восхищёнными глазами.

– Мой дедушка тоже ремонтировал водяные трубы, – сказала Катя. – Когда они с бабушкой гостили у нас в Санта-Монике, он всё время что-то чинил, учил местных чёрных... Звали его Николай Иванович.

– А я – Иван Александрович! – засмеялся молодой человек. – Чем могу?..

– Скажите, Иван, стихи писать трудно?.. Ваше произведение мне так понравилось! Я впервые в жизни увидела живого поэта. Научите... Хочу попробовать.

– «Поэта» – это громко сказано... Не советую... – он вдруг стал совершенно серьёзным. – Стихи легко получаются, когда плохое настроение или жизнь трудная, не удалась... А у тебя...

– Что у меня?

– Америка, Франция!.. На каком языке ты хочешь писать стихи – по-французски, по-английски?

– Я ещё и фламандский знаю... Но я хочу по-русски... Я не люблю англичан – хитрая и мрачная нация, пираты и спекулянты...

– Сколько лет ты во Франции?

– Двадцать... Почти...

– Оно и видно... Французы терпеть не могут англичан. Двести пятьдесят лет назад генералиссимус Суворов нас предупреждал: «Англичанка гадит!»

– Умываются в тазу, – с усмешкой, презрительно сказала Катя. – Греются в постели бутылкой с кипятком или у открытого огня возле дымных каминов. Вся литература у них про преступления... Детективы. Одни трупы... Полицейские да сыщики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.